

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-490-510

EDN: KNCNOQ

УДК 316.647.5

Исследовательская статья

Навигация по гражданской инклюзии: ключевые antecedенты социальных маркеров принятия иммигрантов в России

Д.С. Григорьев^{ID}✉, А.А. Галлямова^{ID}, Е.Ш. Комягинская^{ID}Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация✉ dgrigoryev@hse.ru

Аннотация. В статье рассматриваются связи между четырьмя ключевыми antecedентами (депровинциализмом, воспринимаемыми нормами многообразия, верой в автохтонность, относительной депривацией) и социальными маркерами принятия иммигрантов в России (этническим, гражданским, социоэкономическим, социокультурным). В условиях демографического ландшафта, который все чаще характеризуется иммиграцией, крайне важно тщательно изучить отношения между этими antecedентами и социальными маркерами принятия, которые имеют важные последствия для адаптации иммигрантов. Целью данного исследования является определение степени, в которой эти переменные связаны с социальными маркерами принятия иммигрантов в российском контексте. В опросе участвовали 1009 человек, большинство из которых идентифицировали себя как этнические русские. Онлайн-опросник был составлен из новых, авторских методик. Результаты исследования показывают, что депровинциализм и воспринимаемые нормы многообразия в непосредственном окружении человека играют важную роль в социальном принятии иммигрантов как прямо, так и косвенно. В частности, вера в автохтонность и относительная депривация, показывая также опосредствующие эффекты в этих связях, имеют значение для важности всех социальных маркеров принятия. Эти результаты углубляют наше понимание сложного процесса социального принятия иммигрантов, подчеркивая важность как индивидуальных различий, так и социального влияния. Они также свидетельствуют, что социальное принятие иммигрантов выходит за рамки простой открытости и позитивного отношения к культурному многообразию, а предполагает такую форму инклюзии этнокультурных групп в более широкое общество, которая решает проблему групповой иерархии и неравенства приемлемым для принимающего общества образом. Благодаря детальному изучению этих взаимоотношений результаты исследования могут стать основой для инициатив, направленных на повышение социальной инклюзии и содействие межкультурной гармонии в России.

Ключевые слова: аккультурационные ожидания, социальные маркеры принятия, воспринимаемые нормы многообразия, депровинциализм, вера в автохтонность, относительная депривация, межкультурные отношения, межэтнические отношения и конфликты

© Григорьев Д.С., Галлямова А.А., Комягинская Е.Ш., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

Введение

В глобальном мире миграция выступает неотъемлемым элементом социальной динамики. Однако массовая миграция не всегда приводит к позитивным последствиям, особенно в случаях, когда она становится неконтролируемой. В связи с этим каждое общество самостоятельно решает, какие подходы стоит применять при взаимодействии с иммигрантами. Модель *социальных маркеров принятия* позволяет не только идентифицировать, какие аккультурационные ожидания предпочитает принимающее население, но и определить конкретные критерии, которые необходимы, чтобы иммигранты смогли полноценно участвовать в более широком обществе (Leong, 2014). Социальные маркеры принятия представляют собой набор критериев, формируемых на основе требований к соблюдению социальных норм, языковым навыкам, профессиональным компетенциям и демографическим характеристикам, важным для конкретного общества. Эти маркеры выходят за рамки формального определения гражданства, характеризуя психологическое различие между «своими» и «чужаками». Они позволяют оценить инклюзивность принимающего общества — чем меньше количество и менее значимы такие критерии, тем проще новоприбывшим стать его частью (Leong et al., 2020).

В предыдущем исследовании (Григорьев и др., 2023) мы подробно рассмотрели содержание социальных маркеров принятия в российском контексте. Наши результаты показали, что россияне выделяют четыре типа содержания маркеров: этническое, гражданское, социоэкономическое и социокультурное. Этнический и гражданский маркеры связаны с понятиями этнической и гражданской идентичности (Komisarof, Leong, 2020). Соответственно, как и этническая идентичность, этнический маркер подчеркивает важность общих предков, культуры и языка, которые объединяют людей в этнические группы. Гражданская идентичность и одноименный маркер акцентируют внимание на правах, обязанностях и ценностях, которые разделяют жители государства независимо от их этнической принадлежности. В свою очередь, социоэкономический маркер отражает уровень экономической адаптации и успеха в новой социальной среде, включая образование, профессиональный статус и доход, тогда как социокультурный — свидетельствует о степени адаптации иммигрантов к культурным нормам и обычаям принимающего общества (Григорьев и др., 2023). Эти результаты во многом пересекаются с результатами, полученными другой командой исследователей на обширных данных 100 интервью и 40 фокус-групп в пяти регионах России (Иванова и др., 2024). В данной работе мы намерены еще больше углубиться в данную тематику, сосредоточившись на анализе предикторов обнаруженных нами маркеров.

Такой подход к исследованию социальных маркеров принятия является относительно новым, и, следовательно, факторы формирования социальных маркеров принятия остаются недостаточно изученными. В большинстве

исследований по данной тематике предполагается, что они во многом зависят от динамики воспринимаемых угроз, как это рассмотрено в *теории межгрупповых угроз* (Komisarof et al., 2020). Согласно данной теории, люди более предвзяты к аут-группе, если они видят в ее представителях *осязаемую* (напр., ресурсам) или *символическую* (напр., ценностям) угрозу (Piontkowski et al., 2002). Однако, на наш взгляд, традиция использовать теорию межгрупповых угроз для объяснения межгрупповых отношений в целом и социальных маркеров принятия в частности является продолжением проблемы заикленности на данном подходе в рамках изучения предубежденности (Григорьев, 2020). В свою очередь, эта теория дает весьма неполное представление о причинах формирования отношений к иммигрантам (Walsh, Tartakovsky, 2021). Более того, восприятие угрозы само по себе является производным процесса социального сравнения, а значит, что основой межгрупповых угроз является относительная депривация.

Относительная депривация связана с восприятием ухудшения положения собственной группы по сравнению с другими (Smith et al., 2012). Именно это ощущение *сравнительно* невыгодного положения отличает относительную депривацию от других теорий, которые фокусируются на социальной справедливости или дискриминации без явного аспекта сравнения. Относительная депривация включает себя как когнитивные проявления (суждения о несправедливости, ощущение собственной значимости), так и аффективные (фрустрацию, неудовлетворенность, недовольство и разочарование) (Meuleman et al., 2020). Ощущение относительной депривации усиливается в связи с ухудшением экономического климата, снижением уровня доходов, а также ростом безработицы. В случае взаимодействия принимающего населения и иммигрантов групповая относительная депривация обычно усиливает предубежденность в отношении аут-групп и политический активизм на ее основе (Smith et al., 2018). Поэтому воспринимаемую угрозу действительно можно считать только производной от переживания относительной депривации, когда угроза возникает из сравнения социального и экономического положения своей группы с положением других групп, что может вызывать ощущение несправедливости и обиды. Впоследствии это приводит к уверенности у представителей принимающего общества, что иммигранты являются источником его проблем и представляют опасность положению его членов.

Кроме того, угроза владения, которая включает страх перед потерей контроля и прав на принятие решений относительно объекта собственности (Verkuyten, Martinovic, 2017), зачастую выпадает из рассмотрения в контексте иммиграции. Однако этот страх и чувство относительной депривации довольно сильно пересекаются с концепцией территориального владения. Так, собственность предполагает контроль и право исключать других из использования или владения, и человек теряет контроль, когда лишается права управлять «своей территорией». Предлагается, что этот тип угрозы представляет собой эмпирически и концептуально отдельную категорию по отношению к осязаемой и символической угрозам, которые часто исследуются в рамках межгрупповых отношений (Mahfud et al., 2016). Коллективное вла-

дение подразумевает чувство права собственника на определенные объекты, в пользовании которыми аут-группам может быть отказано. При этом эксклюзия или отказ в доступе не считается несправедливым или дискриминационным, а скорее правом, которое имеет владелец, подтверждая коллективное владение (Zenker, 2011). Потенциальные и фактические действия «чужаков», которые вторгаются в собственность без одобрения хозяев, вызывают чувство отсутствия контроля, страх потери и лишения, а риторика потери суверенитета и потери статуса «хозяина в собственном доме» оправдывает эксклюзию аутгрупп. Негативное отношение к аут-группам особенно вероятно, когда происходит постепенная узурпация владений или несанкционированный вход на территорию (Bobo, 1999). Немаловажно, что этот тип угрозы подразумевает подобные чувства, которые возникают независимо от идентификации с ингруппой.

Непосредственно связанной с концепцией территориального владения является и вера в автохтонность. Люди, которые придерживаются *веры в автохтонность*, считают, что первопоселенцы являются законными владельцами определенной земли на основании своего прибытия первыми. Более того, статус первых поселенцев в регионе дает определенные права, которыми не будут обладать те, кто прибыл после (Verkuyten, Martinovic, 2015). Важно подчеркнуть, что в отличие от этнической концепции национальной принадлежности, которая основывается на общем происхождении, которое может выходить за географические границы, вера в автохтонность подчеркивает территориальное размещение и вытекающие из него права, включая право на защиту от «пришельцев» (Zenker, 2011). Хотя группы этнического большинства часто заявляют о своей автохтонности, психологическая основа эксклюзии в каждом случае различна: этническая эксклюзия вызвана эссенциалистскими взглядами на групповую идентичность, тогда как автохтонная эксклюзия фокусируется на правах собственности (Hasbún López et al., 2019).

Таким образом, вера в автохтонность тесно связана с концепцией угрозы владения, которая проистекает из ощущения, что исторически обоснованные права на землю и ресурсы могут быть поставлены под угрозу прибытием мигрантов, что вызывает страх перед потерей контроля (Verkuyten, Martinovic, 2017). Однако автохтонность не просто подчеркивает территориальное размещение и вытекающие из него права, но и предоставляет моральное и юридическое обоснование для защиты этих прав. Таким образом, вера в автохтонность может выступать основой для восприятия угрозы владения, когда коренное население видит в прибытии мигрантов потенциальный вызов для своих исторически сложившихся прав. Хотя данная вера зачастую связана с высоким уровнем предубежденности в отношении групп иммигрантов, а также стратегиями сегрегации и исключения, эта связь не является жестким правилом (Zenker, 2011).

Еще одним немаловажным является вопрос о причинах, которые приводят к относительной депривации и вере в автохтонность: они могут корениться как в индивидуально-личностных особенностях, так и в особенностях социального контекста. В более общем плане такие факторы, как *депровин-*

циализм (личностная диспозиция) и *воспринимаемые нормы многообразия* (социальное влияние), могут быть центральными для формирования важности тех или иных маркеров принятия.

Депровинциализм представляет собой склонность человека к менее этноцентричному и более инклюзивному мировоззрению. Эта диспозиция отражает способность избегать оценки норм и ценностей аут-группы через призму превосходства своей культуры (Pettigrew, 2011). Люди с высоким уровнем депровинциализма отличаются когнитивной и эмоциональной гибкостью и большей открытостью опыту, что способствует более широкому взгляду на мир за пределами их непосредственной культурной или социальной группы (Kalin, Berry, 1980; Velthuis et al., 2004). При этом депровинциализм не следует путать с отсутствием национальной идентичности или снижением чувства принадлежности к собственной культурной группе. Скорее, он представляет собой незашоренное, более разностороннее и выпуклое понимание собственной культуры, выходящее за рамки узких этноцентричных взглядов (Lucarini et al., 2023).

Вместе с тем, в отличие от культурного релятивизма депровинциализм базируется на деонтологической этике, предполагая веру в универсально применимые моральные стандарты, что также соответствует идеологии космополитизма (Velthuis et al., 2004). Хотя люди с высоким уровнем депровинциализма, как правило, более терпимы к культурным различиям, это не значит, что они будут одобрять практики, противоречащие широко признанным моральным принципам, такие как гендерное неравенство или сомнительное обращение с животными (Verkuyten et al., 2022). Другими словами, депровинциализм способствует критической оценке всех культурных практик (Verkuyten et al., 2020). Поскольку данная переменная напрямую связана с межгрупповой динамикой, мы предполагаем, что она может выступать важным фактором индивидуального уровня для формирования важности различных доменов социальных маркеров принятия.

Однако, несмотря на индивидуальные особенности, человек во многом действует в соответствии с нормами, принятыми в том сообществе, частью которого он является. Нормы неизбежно влияют на социальное поведение, служа ориентирами того, что считается нормальным, этичным или справедливым. Стратегии в рамках межгруппового взаимодействия, не являясь исключением, также находятся под влиянием социальных норм (Ward et al., 2020). Индивидуальное отношение к аут-группе может отличаться от того, что считается социальной нормой (Guimond et al., 2013). Вместе с тем большая часть психологических исследований недооценивает влияния повседневной жизненной среды на личность, хотя воспринимаемые нормы, поддерживаемые ближайшим окружением, могут играть важную роль в поведении человека (Галлямова, Григорьев, 2022). Следовательно, мы предлагаем проанализировать роль *воспринимаемых норм многообразия*, которые отражают, насколько, по мнению человека, его окружение поддерживает мультикультурную идеологию и инклюзивность в более широком смысле (Ng Tseung-Wong et al., 2022).

Действительно, согласно *модели оправдания–подавления*, аут-групповая предубежденность не выражается напрямую, а проходит через нормативную фильтрацию, которая либо препятствует, либо способствует ее проявлению (Crandal et al., 2002). То есть при условии принятия инклюзивных норм человек будет мотивирован избавляться от предубеждений посредством хорошо известного процесса психического контроля — *подавления*, которое активизируется, чтобы предотвратить появление нежелательных мыслей в сознании, поскольку они считаются неуместными (Котова, 2024). Более того, при постоянном конфликте воспринимаемых норм и личных установок люди склонны интернализировать групповые убеждения для удовлетворения реляционных мотивов. Другими словами, если в окружении человека ценным считается многообразие в обществе, то с большей вероятностью впоследствии он также будет поддерживать такие идеи (Echterhoff et al., 2013). Соответственно, важно не только учитывать депровинциализм, но и оценить роль непосредственного окружения, так как во многом личностные установки являются результатом взаимодействия с ингруппой.

Итак, *целью данного исследования* было изучение факторов, которые могут быть вплетены в динамику изменения и формирования социальных маркеров принятия. С одной стороны, депровинциализм отражает роль более толерантного понимания каждым человеком того, что в данном обществе считается необходимым для становления его членом. С другой стороны, воспринимаемые нормы многообразия могут помочь оценить влияние повседневного окружения на требования к иммигрантам, так как индивидуальные убеждения в любом случае проходят нормативную фильтрацию, которая способствует либо более толерантному, либо более исключаящему отношению к аутгруппе (Crandall et al., 2002). При этом даже в обществе с инклюзивным контекстом некоторые группы или индивиды, переживая жизненные сложности, могут начать видеть в иммигрантах источник своих бед. Другими словами, вероятно, что переживание относительной депривации даже в достаточно толерантном сообществе может привести к поддержанию более жестких требований к иммигрантам.

Вместе с тем вера в автохтонность, отражающая уверенность людей в своей привилегированности на определенной территории, хотя и предполагает более исключаящее отношение к иммигрантам, не противоречит напрямую личной и групповой непредубежденности. Пока доминирующая группа считает, что меньшинства признают свой подчиненный статус, у людей с сильной верой в автохтонность нет оснований питать к ним негативные чувства (Zenker, 2011). Следовательно, мы рассматриваем, какова роль как веры в автохтонность, так и относительной депривации как медиаторов для отношений между депровинциализмом и воспринимаемыми нормами многообразия и социальными маркерами принятия. Таким образом, мы хотим оценить более сложную динамику прямых и опосредованных путей формирования требований к иммигрантам.

Процедура и методы

Участники. Мы использовали вторичные данные (Григорьев и др., 2023), включающие ответы от 1009 человек в возрасте от 18 до 78 лет ($M = 37,2$; $SD = 11,6$; 42 % мужчины). 54 % респондентов имели высшее образование; 71 % проживали в крупных городах (от 100 тыс. жителей) и мегаполисах (свыше 1 млн жителей). При этом большинство опрошенных были из Центрального федерального округа (35 %).

Инструменты. Зависимые переменные. *Социальные маркеры принятия.* Мы использовали установленные нами ранее параметры для оценки важности критериев, согласно которым можно считать человека россиянином (Григорьев и др., 2023). Критерии для оценки каждого из четырех типов социальных маркеров включения содержат по 6 утверждений, согласие с которыми оценивается по шкале от 1 = *абсолютно не важен* до 7 = *абсолютно важен*: 1) *этнический* («Отказываться от своих иностранных культурных норм или поведения»; $M = 3,21$; $SD = 1,49$; $\alpha = 0,87$); 2) *гражданский* («Знать и уважать российские законы и нормы»; $M = 5,68$; $SD = 1,20$; $\alpha = 0,86$); 3) *социоэкономический* («Стремиться к саморазвитию и обучению новым навыкам для успешной карьеры»; $M = 4,84$; $SD = 1,38$; $\alpha = 0,86$); 4) *социокультурный* («Участвовать в общественной жизни в России»; $M = 3,88$; $SD = 1,44$; $\alpha = 0,87$).

Независимые переменные. Мы разработали новые методики для диагностики всех независимых переменных. При формулировке пунктов для этих методик мы опирались на устоявшиеся в литературе концептуальные определения изучаемых конструкторов (Ng Tseung-Wong et al., 2022; Pettigrew, 2011; Smith et al., 2012; Zenker, 2011). Изначально мы сосредоточились на том, чтобы формулировки пунктов как можно лучше соответствовали этим определениям. Для повышения релевантности и ясности пунктов далее руководствовались *face validity*, гарантируя, что пункты точно отражают конструкторы, как их понимают эксперты и потенциальные респонденты.

Депровинциализм. Для измерения использовались 9 пунктов с 7-балльной шкалой Ликерта от 1 — *абсолютно не согласен* до 7 — *абсолютно согласен* ($M = 5,28$; $SD = 1,14$; $\alpha = 0,91$).

Воспринимаемые нормы многообразия. Для измерения использовались 9 пунктов, насколько точны утверждения об окружающих участников людях с 6-балльной шкалой Ликерта от 1 — *абсолютно не точно* до 6 — *абсолютно точно* для ответов ($M = 4,52$; $SD = 1,05$; $\alpha = 0,93$).

Вера в автохтонность. Для измерения использовались 5 пунктов с 7-балльной шкалой Ликерта от 1 — *абсолютно не согласен* до 7 — *абсолютно согласен* ($M = 5,15$; $SD = 1,29$; $\alpha = 0,86$).

Относительная депривация. Для измерения использовались 10 пунктов с 7-балльной шкалой Ликерта от 1 — *абсолютно не согласен* до 7 — *абсолютно согласен* ($M = 3,59$; $SD = 1,53$; $\alpha = 0,95$).

Инструкции и формулировки пунктов для всех разработанных методик представлены в Приложении.

Анализ данных. В рамках предварительного анализа был проведен конфирматорный факторный анализ для проверки факторной структуры новых методик. Сразу все четыре методики были проверены в рамках одной измерительной модели. Для оценки глобального соответствия измерительной модели был применен стандартный подход с установленными отсечками (Kline, 2010). Для проверки надежности методик использовался коэффициент надежности α -Кронбаха. Для анализа прямых и непрямых эффектов для социальных маркеров принятия мы использовали общую линейную модель.

Результаты

Предварительный анализ. Факторные нагрузки в оцениваемой модели, в которую были включены четыре фактора (*депровинциализм, воспринимаемые нормы многообразия, вера в автохтонность, относительная депривация*), были статистически значимы в диапазоне между 0,53 и 0,88 со средним значением 0,78. Более того, только три факторные нагрузки были меньше 0,70. Значения глобального соответствия модели совпадают с золотым стандартом: $\chi^2(df) = 1402.95 (489)$, $p < 0,001$, CFI = 0,96, SRMR = 0,04, RMSEA [90 % CI] = 0,04 [0,04–0,05]. Вместе с тем коэффициенты α -Кронбаха для всех шкал были не ниже 0,86 и варьировались в диапазоне от 0,86 до 0,95.

Основной анализ. Общая линейная модель была построена для проверки прямых связей между выбранными факторами и различными социальными маркерами принятия. Также данная модель позволила рассмотреть непрямые эффекты депровинциализма и воспринимаемых норм многообразия для маркеров принятия через веру в автохтонность и относительную депривацию. Результаты показали, что гражданский и социокультурный маркеры принятия положительно предсказывались воспринимаемыми нормами многообразия, верой в автохтонность, а также относительной депривацией (рис. 1, 4). Вместе с тем все переменные, включая депровинциализм, положительно предсказывали социоэкономический маркер (рис. 3). Однако положительными предикторами этнического маркера принятия выступили только вера в автохтонность и относительная депривация, а депровинциализм, в свою очередь, отрицательно предсказывал данный маркер (рис. 2). Более того, депровинциализм положительно коррелировал с воспринимаемыми нормами многообразия, а вера в автохтонность с относительной депривацией. Также вера в автохтонность положительно предсказывалась депровинциализмом, а отрицательными предикторами относительной депривации выступили как депровинциализм, как и воспринимаемые нормы многообразия.

Что касается непрямых путей, то были обнаружены отрицательные связи между воспринимаемыми нормами многообразия и четырьмя видами маркеров принятия через относительную депривацию. Также была обнаружена отрицательная связь между депровинциализмом и всеми маркерами принятия через относительную депривацию. Вера в автохтонность также выступила медиатором для положительных связей между депровинциализмом и всеми маркерами принятия (рис. 1–4).

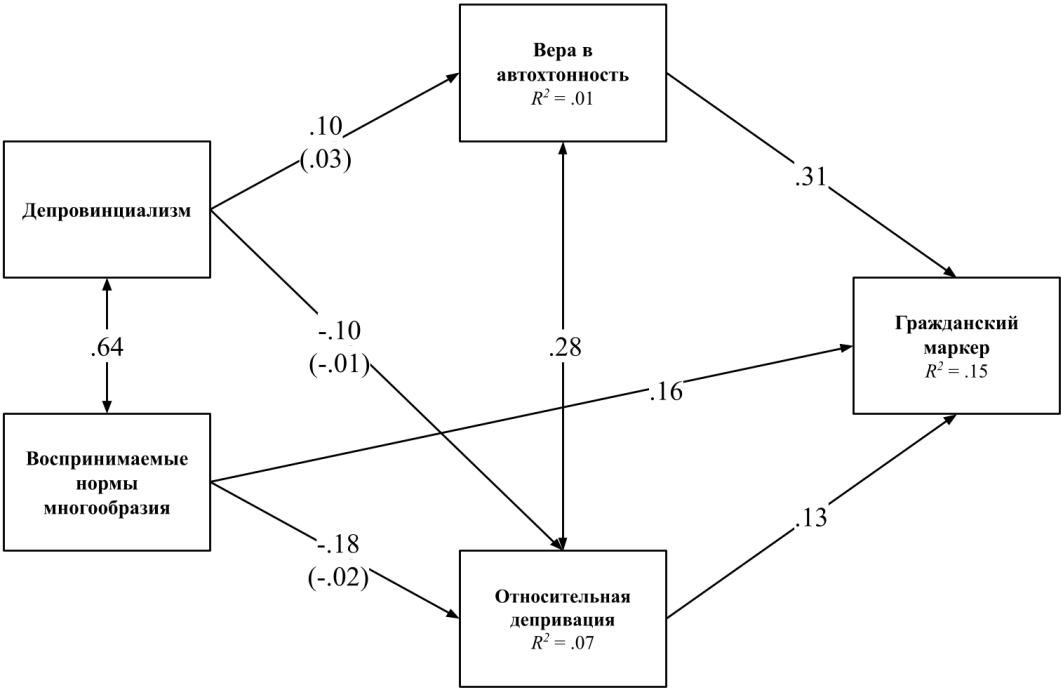

Рис. 1. Прямые и косвенные эффекты для гражданского маркера ($N = 1009$)

Примечание. На рисунке отображены только статистически значимые связи с $p < 0,05$.

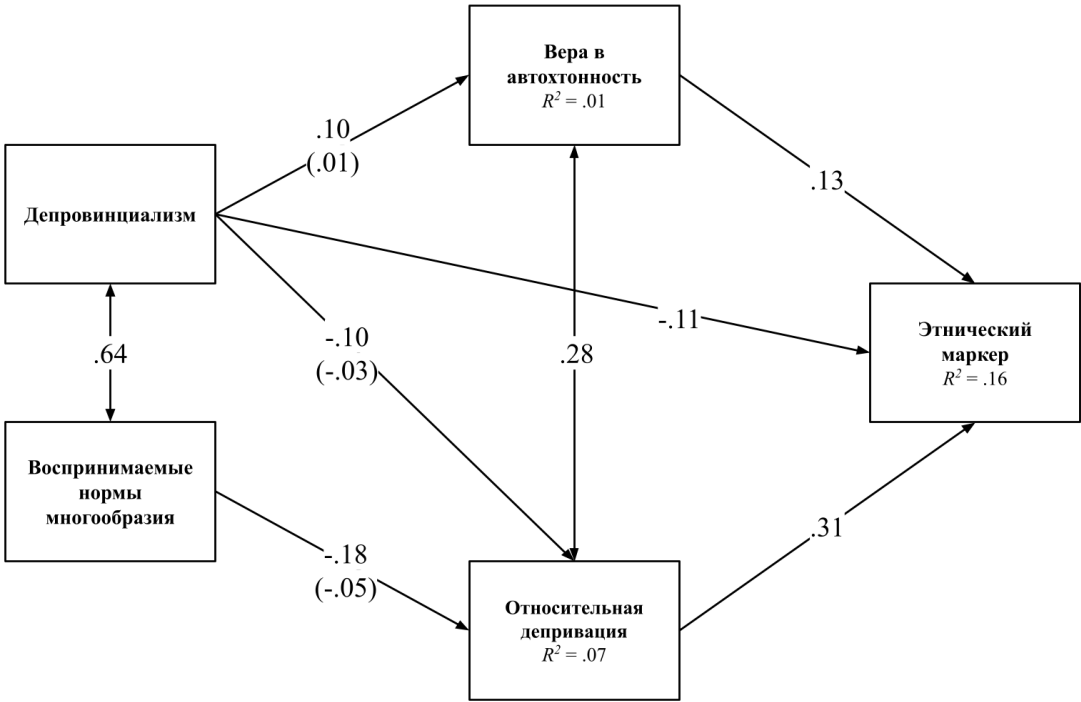

Рис. 2. Прямые и косвенные эффекты для этнического маркера ($N = 1009$)

Примечание. На рисунке отображены только статистически значимые связи с $p < 0,05$.

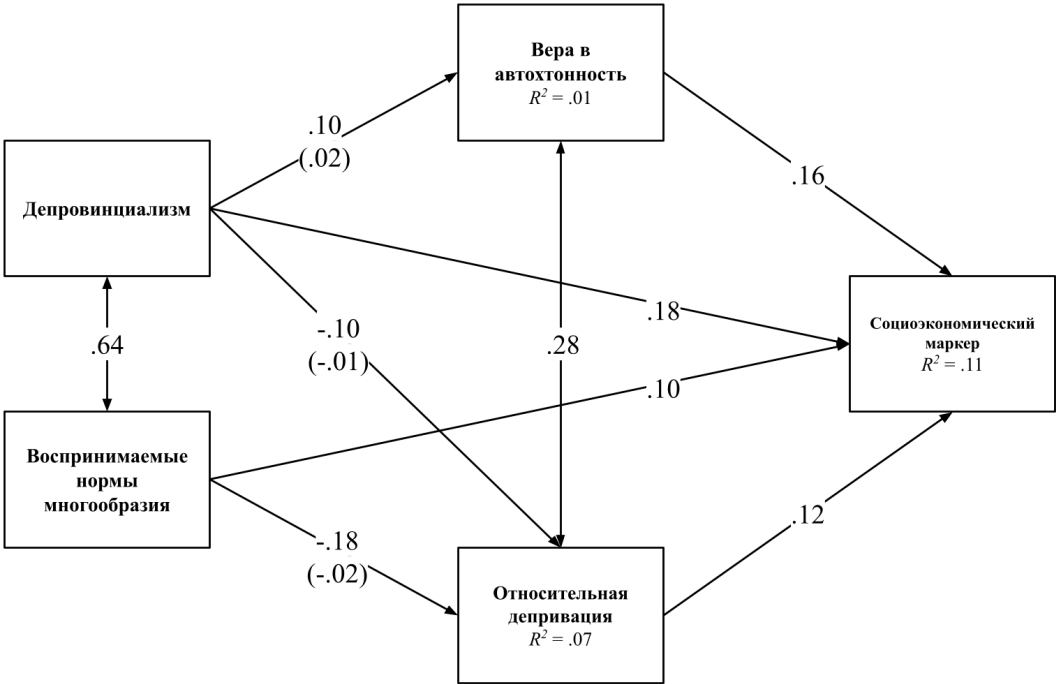

Рис. 3. Прямые и косвенные эффекты для социальноэкономического маркера (N= 1009)

Примечание. На рисунке отображены только статистически значимые связи с $p < 0,05$.

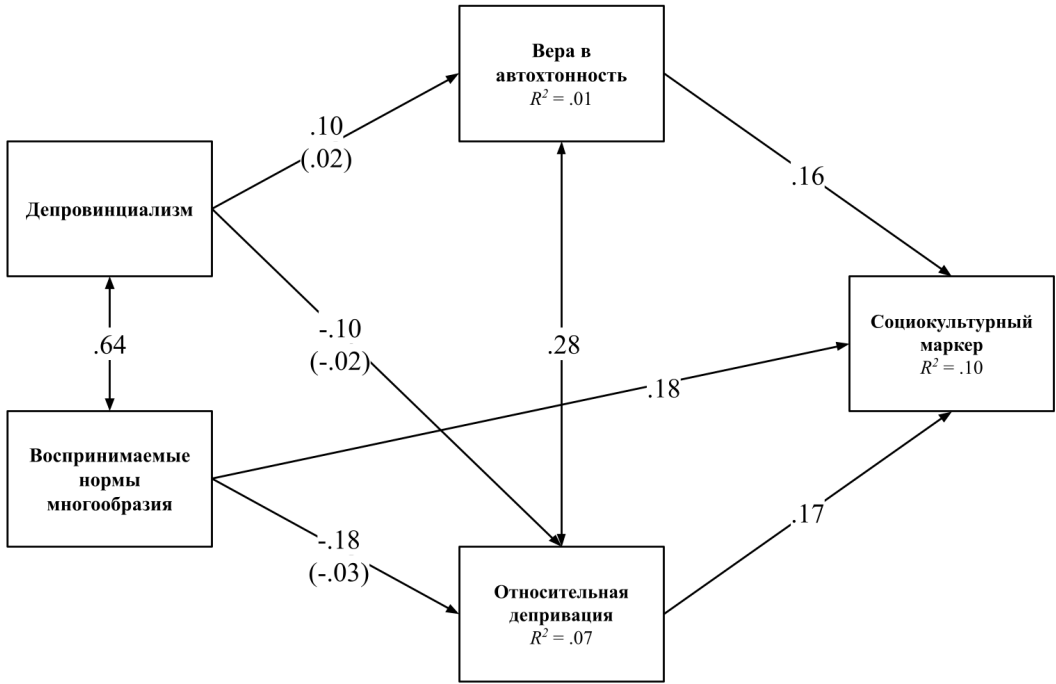

Рис. 4. Прямые и косвенные эффекты для социокультурного маркера (N= 1009)

Примечание. На рисунке отображены только статистически значимые связи с $p < 0,05$.

Обсуждение

В рамках данной работы мы ставили целью изучить предикторы социальных маркеров принятия. Полученные результаты обогащают наше понимание процессов их формирования, предоставляя новые перспективы и углубленный анализ данной проблематики. Если большинство предыдущих исследований фокусировались только на роли социальной идентичности и воспринимаемой угрозы, то наша работа проливает свет на роль личностных диспозиций и социального влияния. Важно отметить, что депровинциализм и воспринимаемые нормы многообразия достаточно сильно положительно связаны друг с другом. Данная связь во многом соответствует теории групповых норм, согласно которой наши личные установки во многом основаны на социальных нормах группы, с которой человек себя идентифицирует (Crandall et al., 2002), либо здесь также может быть эффект ассортативности. Однако, несмотря на взаимозависимость и некоторые аналогичные эффекты, данные переменные также имели отличные друг от друга связи. Такое положение дел дополнительно свидетельствует о необходимости изучения как индивидуальных факторов, так и роли социального влияния для различных межгрупповых феноменов (Галлямова, Григорьев, 2022).

Социальные маркеры принятия, определяющие требования к иммигрантам в гражданской, социоэкономической и социокультурной сферах, положительно предсказывались воспринимаемыми нормами многообразия, которые отражают восприятие того, насколько локальное окружение человека создает инклюзивный контекст. По всей видимости, данные нормы будут способствовать поддержке стратегии интеграции для вновь прибывших, которая предполагает не только сохранение родной идентичности иммигрантов, но и их активное включение в более широкое общество (Grigoryev, Berry, 2021). Более того, если в группе поддерживается многообразие, то за этим, вероятно, стоит позитивный и более частый межгрупповой контакт (Pettigrew, 2009). То есть для людей с таким окружением важность этих маркеров является скорее не заградительной мерой, а необходимым условием для сохранения позитивного межгруппового контакта, который будет обеспечиваться посредством соблюдения российских норм, определенным уровнем образованности и межкультурной компетентностью самих иммигрантов. Действительно, например, иммигранты второго поколения, чьи родители были родом из более инклюзивных культур, интегрированы в общество гораздо сильнее, чем те иммигранты, чья культура страны происхождения не отличается толерантностью (Berggren et al., 2023).

Вместе с тем депровинциализм выступил отрицательным предиктором для этнического и положительным — для социоэкономического маркера принятия. Очевидно, что менее предубежденные люди будут в целом более открыты к представителям аут-группы, поэтому они будут против недостижимых требований к иммигрантам, которые лежат в основе этнических индикаторов социальной идентичности, поскольку они связаны с общим этнокультурным происхождением (Lucarini et al., 2021). Также депровинциализм будет способствовать более справедливому восприятию иммигрантов, а социоэкономический маркер принятия как раз отражает объективные тре-

бования, связанные во многом с потенциальным вкладом иммигрантов в общество (Komisarof et al., 2020).

В свою очередь, вера в автохтонность и относительная депривация продемонстрировали одинаковые положительные связи для всех социальных маркеров принятия, а также были положительно связаны друг с другом. Негативными предикторами относительной депривации выступили депривинциализм и воспринимаемые нормы многообразия. Как было отмечено выше, поддержка инклюзии и более непредубежденный взгляд на мир во многом связан с положительным прошлым опытом. Другими словами, люди, имеющие личные контакты с представителями аут-группы, становятся более терпимыми к их отличительным особенностям. Более того, предубежденность снижается не только к группе, с членами которой возникла дружба, но и по отношению ко всем остальным непохожим группам тоже (Lucarini et al., 2023). Таким образом, логично, что как депривинциализм, так и воспринимаемые нормы будут препятствовать негативному социальному сравнению. Вместе с тем, переживание ухудшения своего положения, связанного со снижением уровня доходов, а также ростом безработицы, будет связано со стратегией эксклюзии (Smith et al., 2018). Относительная депривация сильнее всего предсказывала именно этнический маркер принятия, вероятно, из-за того, что при ухудшении своего положения люди будут выдвигать наименее достижимые требования к аут-группе, чтобы не повышать конкуренцию за и без того ограниченные ресурсы и блага (Komisarof, Leong, 2020).

Наиболее сильным предиктором гражданского маркера, в основе которого лежат требования соблюдения законов принимающего общества и уважения его институтов, выступает вера в автохтонность, что логично. Однако, например, в Нидерландах сама вера в автохтонность была сильно негативно связана с депривинциализмом (Martinovic, Verkuyten, 2013). Напротив, результаты нашей работы показали положительную связь между депривинциализмом и верой в автохтонность. Можно предположить, что эти результаты обусловлены российским контекстом, так как Россия является федеративным государством, в котором есть национальные республики, где превалирует собственная аутентичная культура (напр., Чечня, Татарстан, Башкортостан). Таким образом, в России как многоэтничном и многокультурном государстве общепризнанной нормой считается, что правила устанавливают те, кто живет на данной территории в независимости от этнической или религиозной принадлежности (напр., в кавказских республиках туристы не носят открытую одежду).

Также наше исследование выявило идентичные не прямые пути между депривинциализмом, воспринимаемыми нормами многообразия и всеми маркерами принятия через веру в автохтонность и относительную депривацию. Воспринимаемые нормы многообразия были негативно связаны со всеми маркерами через относительную депривацию. Интересно, что с этническим маркером воспринимаемые нормы связаны только через относительную депривацию. Данные результаты выглядят вполне понятно, поскольку воспринимаемые нормы многообразия снижают чувство относительной депривации, которая во многом определяет выстраивание границ с аутгруппой,

что ведет за собой снижение важности маркеров принятия (Meuleman et al., 2020). В свою очередь депровинциализм продемонстрировал также негативную связь с маркерами принятия через относительную депривацию. Это дополнительно свидетельствует о том, что личная непредубежденность тоже снижает чувство относительной депривации (Lucarini et al., 2023), что впоследствии ведет к ослаблению требований к аутгруппе.

Депровинциализм был связан с гражданским и социокультурным маркером не напрямую, а только через относительную депривацию и веру в автохтонность. Важно отметить, что связи между депровинциализмом и всеми социальными маркерами принятия через веру в автохтонность, напротив, были положительными. Это может указывать на то, что подлинное принятие иммигрантов выходит за рамки простой открытости к многообразию (депровинциализм), а требует калибровки экономического и социального неравенства (относительная депривация) наряду с уважением культуры коренных народов (автохтония). Критическая роль относительной депривации подчеркивает необходимость урегулирования экономических и социальных разрывов для предотвращения изоляции или угрозы независимо от открытости общества. В то же время положительная роль депровинциализма, усиленная уважением к автохтонности, подчеркивает, что уважение иммигрантами традиций и истории принимающей страны способствует более инклюзивному контексту для них (Григорьев и др., 2023).

Ограничения. Наше исследование дает новый взгляд на динамику формирования социальных маркеров принятия, но так как наши данные не экспериментальные и не лонгитюдные, а кросс-секционные, мы не можем утверждать о наличии причинного эффекта, хотя изначально любая модель медиации предполагает причинные связи. Вместе с тем в данных связях могут присутствовать неучтенные конфаундеры, которые могут влиять на весь набор этих переменных. Например, межгрупповой контакт влияет как на личную непредубежденность, так и на мультикультурные нормы (Berry et al., 2022). В рамках последующей работы важно проверить, будут ли воспроизводиться эти же связи в рамках экспериментального и лонгитюдного дизайна. Также в России присутствуют различные национальные республики, где, возможно, могут проявляться другие механизмы, влияющие на требования к иммигрантам. Соответственно, в будущих исследованиях важно провести сравнительный анализ, который будет учитывать этническую, религиозную и региональную специфику россиян для уточнения данных аспектов.

Выводы

Депровинциализм и воспринимаемые нормы многообразия являются значимыми предикторами социальных маркеров принятия в рамках (некоторых) прямых и непрямых путей. Данные результаты указывают на важность как индивидуальных факторов, так и социального влияния при формировании социальных маркеров принятия. Вера в автохтонность и относительная депривация также показывают последовательный значимый вклад в более выраженную важность всех маркеров, добавляя нюансы в общую картину. Говоря в целом, истинное социальное принятие выходит за рамки простой открытости и позитивного отношения к культурному многообразию со сто-

роны принимающего общества, а предполагает такие формы инклюзии этнокультурных групп в более широкое общество, которые решают проблему групповой иерархии и неравенства приемлемым для принимающего общества образом (Grigoryev, Berry, 2021).

Кроме того, в рамках данного исследования были созданы новые методики для измерения рассмотренных предикторов. Таким образом, наше исследование не только дает новый взгляд на изучение межкультурных отношений, но и предлагает новые инструменты для их оценки.

Список литературы

- Галлямова А.А., Григорьев Д.С. Разработка методики оценки воспринимаемой культуры сообщества на основе культурной ориентации горизонтальный/вертикальный индивидуализм-коллективизм Г. Триандиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19 № 3. С. 429–447. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-3-429-447>
- Григорьев Д.С. Проблемы концептуализации и операционализации отношения к иммигрантам в межстрановых сравнительных исследованиях // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 3. С. 89–100. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-89-100>
- Григорьев Д.С., Галлямова А.А., Комягинская Е.Ш. Как стать россиянином?: Содержание национальной идентичности, определяющее социальные маркеры принятия иммигрантов в России // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 4. С. 675–696. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-4-675-696>
- Иванова Н.С., Егорова Т.Д., Варшавер Е.А., Савин И.С. «Жить так же, как мы живем»: представления жителей России об интеграции мигрантов // Актуальные проблемы Европы. 2024. №3. С. 245–265. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.14>
- Котова М.В. Трансформация предубеждения в неявные формы как индикатор его функций в межгрупповых отношениях // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 1. С. 57–75. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150104>
- Berry J.W., Lepshokova Z., MIRIPS Collaboration, Grigoryev D. How shall we all live together?: Meta-analytical review of the Mutual Intercultural Relations in Plural Societies project // Applied Psychology: An International Review. 2022. Vol. 71. No. 3. Pp. 1014–1041. <https://doi.org/10.1111/apps.12332>
- Berggren N., Ljunge M., Nilsson T. Immigrants from more tolerant cultures integrate deeper into destination countries// Journal of Comparative Economics. 2023. Vol. 51. No. 4. Pp. 1095–1108. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2023.06.005>
- Bobo L.D. Prejudice as group position: Microfoundations of a sociological approach to racism and race relations // Journal of Social Issues. 1999. Vol. 55. No. 3. Pp. 445–472. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00127>
- Crandall C.S., Eshleman A., O'Brien L. Social norms and the expression and suppression of prejudice: The struggle for internalization // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 82. No. 3. Pp. 359–378. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.3.359>
- Echterhoff G., Kopietz R., Higgins E.T. Adjusting shared reality: Communicators' memory changes as their connection with their audience changes // Social Cognition. 2013. Vol. 31. No. 2. Pp. 162–186. <https://doi.org/10.1521/soco.2013.31.2.162>
- Grigoryev D., Berry J.W. A taxonomy of intergroup ideologies // Cultural-Historical Psychology. 2021. Vol. 17. No. 4. Pp. 7–15. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170401>

- Guimond S., Crisp R. J., De Oliveira P., Kamiejski R., Kteily N., Kuepper B., Zick A. Diversity policy, social dominance, and intergroup relations: Predicting prejudice in changing social and political contexts // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2013. Vol. 104. No. 6. Pp. 941–958. <https://doi.org/10.1037/a0032069>
- Hasbún López P., Martinović B., Bobowik M., Chryssochoou X., Cichocka A., Ernst-Vintila A., Franc R., Fülöp É., Ghilani D., Kochar A., Lamberty P., Leone G., Žeželj I. Support for collective action against refugees: The role of national, European, and global identifications, and autochthony beliefs // *European Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 49. No. 7. Pp. 1439–1455. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2608>
- Kalin R., Berry J.W. Geographic mobility and ethnic tolerance // *The Journal of Social Psychology*. 1980. Vol. 112. No. 1. Pp. 129–134. <https://doi.org/10.1080/00224545.1980.9924305>
- Kline R.B. Principles and practice of structural equation modeling (4th ed.). New York: Guilford Press, 2010.
- Komisarof A., Leong C.H. Viewing intercultural adaptation and social inclusion through constructs of national identity: An introduction // *International Journal of Intercultural Relations*. 2020. Vol. 78. Pp. 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.06.001>
- Komisarof A., Leong C.H., Teng E. Constructing who can be Japanese: A study of social markers of acceptance in Japan // *Asian Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 23. No. 2. Pp. 238–250. <https://doi.org/10.1111/ajsp.12396>
- Leong C.H. Social markers of acculturation: A new research framework on intercultural adaptation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2014. Vol. 38. Pp. 120–132. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.08.006>
- Leong C.H., Komisarof A., Dandy J., Jasinskaja-Lahti I., Safdar S., Hanke K., Teng E. What does it take to become “one of us?” Redefining ethnic-civic citizenship using markers of everyday nationhood // *International Journal of Intercultural Relations*. 2020. Vol. 78. Pp. 10–19. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.04.006>
- Lucarini A., Boin J., Fuochi G., Voci A., Verkuyten M., Pettigrew T. F. The nature of deprovincialism: Assessment, nomological network, and comparison of cultural and group deprovincialization // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2023. Vol. 31. No. 4. Pp. 861–881. <https://doi.org/10.1002/casp.2695>
- Mahfud, Y., Badea, C., Verkuyten, M., Reynolds, K. Multiculturalism and attitudes toward immigrants: The impact of perceived cultural distance // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2017. Vol. 49. No. 6. Pp. 945–958. <https://doi.org/10.1177/0022022117730828>
- Martinovic B., Verkuyten M. ‘We were here first, so we determine the rules of the game’: Autochthony and prejudice towards out-groups // *European Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 43. No. 7. Pp. 637–647. <https://doi.org/10.1002/ejsp.1980>
- Meuleman B., Abts K., Schmidt P., Pettigrew T.F., Davidov E. Economic conditions, group relative deprivation and ethnic threat perceptions: A cross-national perspective // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2020. Vol. 46. No. 3. Pp. 593–611. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1550157>
- Ng Tseung-Wong C., Dandy J., Lane M. Perceived diversity norms, cultural identity styles and bicultural identity consolidation in two bicultural groups in Australia // *International Journal of Psychology*. 2022. Vol. 57. No. 3. Pp. 363–371. <https://doi.org/10.1002/ijop.12829>
- Pettigrew T.F. Deprovincialization // *The Encyclopedia of Peace Psychology* / Ed. by D.J. Christie. Blackwell Publishing Ltd., 2011. <https://doi.org/10.1002/9780470672532.wbep081>
- Pettigrew T.F. Secondary transfer effect of contact: Do intergroup contact effects spread to non-participating outgroups? // *Social Psychology*. 2009. Vol. 40. No. 2. Pp. 55–65. <https://doi.org/10.1027/1864-9335.40.2.55>
- Piontkowski U., Rohmann A., Florack A. Concordance of acculturation attitudes and perceived threat // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2002. Vol. 37. No. 6. Pp. 221–232. <https://doi.org/10.1177/1368430202005003003>

- Smith H.J., Pettigrew T.F., Pippin G.M., Bialosiewicz S. Relative deprivation: A theoretical and meta-analytic review. *Personality and social psychology review*. 2012. Vol. 16. No. 3. Pp. 203–232. <https://doi.org/10.1177/1088868311430825>
- Smith H.J., Ryan D.A., Jaurique A., Pettigrew T.F., Jetten J., Ariyanto A., Wohl M. Cultural values moderate the impact of relative deprivation // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2018. Vol. 49. No. 8. Pp. 1183–1218. <https://doi.org/10.1177/002202211878421>
- Velthuis E., Verkuyten M., Smeekes A. Supporting immigrant cultural rights: The roles of deprovincialization and identity continuity // *Journal of Applied Social Psychology*. 2004. Vol. 50. No. 12. Pp. 733–743. <https://doi.org/10.1111/jasp.12709>
- Verkuyten M., Martinovic B. Collective psychological ownership and intergroup relations // *Perspectives on Psychological Science*. 2017. Vol. 12. No. 6. Pp. 1021–1039. <https://doi.org/10.1177/1745691617706514>
- Verkuyten M., Martinovic B. Majority member's recognition and protest against discrimination of immigrants: The role of power threat, deprovincialization and common national identity // *Social Justice Research*. 2015. Vol. 28. Pp. 257–273. <https://doi.org/10.1007/s11211-015-0248-4>
- Verkuyten M., Yogeeswaran K., Mepham K., Sprong S. Interculturalism: A new diversity ideology with interrelated components of dialogue, unity, and identity flexibility // *European Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 50. Pp. 505–519. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2628>
- Verkuyten M., Kollar R., Gale J., Yogeeswaran K. Right-wing political orientation, national identification and the acceptance of immigrants and minorities // *Personality and Individual Differences*. 2022. Vol. 184. Pp. 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111217>
- Walsh S.D., Tartakovsky E. Personal value preferences, threat-benefit appraisal of immigrants and levels of social contact: Looking through the lens of the Stereotype Content Model // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Pp. 1–19. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.609219>
- Ward C., Kim I., Karl J.A., Epstein S., Park H.J. How normative multiculturalism relates to immigrant well-being // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2020. Vol. 26. No. 4. Pp. 581–591. <https://doi.org/10.1037/cdp0000317>
- Wolski C., Park B., Judd C.M., Wittenbrink B. Framing interethnic ideology: effects of multicultural and color-blind perspectives on judgments of groups and individuals // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 78. No. 4. Pp. 635–654. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.78.4.635>
- Zenker O. Autochthony, ethnicity, indigeneity and nationalism: Time-honouring and state-oriented modes of rooting individual-territory-group triads in a globalizing world // *Critique of Anthropology*. 2011. Vol. 31. No. 1. Pp. 63–81. <https://doi.org/10.1177/0308275X10393438>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Депровинциализм

Пожалуйста, укажите степень Вашего согласия с приведенными ниже утверждениями, используя 7-балльную шкалу от 1 — *абсолютно НЕ согласен* до 7 — *абсолютно согласен*, где:

- 1 — абсолютно НЕ согласен;
- 2 — НЕ согласен;
- 3 — скорее НЕ согласен;
- 4 — НЕ знаю, НЕ уверен;
- 5 — скорее согласен;
- 6 — согласен;
- 7 — абсолютно согласен:

Пункты	Факторные нагрузки
1. Активно развиваю свои знания о многообразии мира, чтобы избежать провинциальности и быть открытым к новым идеям.	0,70
2. Слушаю и понимаю мнения людей с разным происхождением и опытом.	0,79
3. Эффективно общаюсь с людьми из разных культур, признавая и ценя наши различия.	0,79
4. Осознаю и преодолеваю свою зашоренность, свои предрассудки и предубеждения, чтобы добиться менее провинциального мышления.	0,64
5. Уважаю и принимаю различия во взглядах и ценностях между людьми, преодолевая зашоренность.	0,80
6. Проявляю эмпатию к чувствам и потребностям других, независимо от их культурного и социального происхождения.	0,62
7. Постоянно развиваю свои навыки общения с различными людьми через самообразование и практику.	0,70
8. Нахожу общий язык с людьми, имеющими разные ценности, традиции и обычаи.	0,79
9. Ценю многообразие вокруг и считаю его обогащающим для моего развития и избегания зашоренности.	0,76

Воспринимаемые нормы многообразия

Отметьте, пожалуйста, насколько точно утверждения ниже описывают людей, с которыми Вы постоянно общаетесь (напр., друзей и знакомых, коллег по работе, соседей и др.), по 6-балльной шкале от 1 — *абсолютно НЕ точно* до 6 — *абсолютно точно*.

На Ваш взгляд ...

Пункты	Факторные нагрузки
1. ...люди в моем окружении считают важным создавать атмосферу взаимопонимания и принятия для всех, включая отличающихся людей и групп.	0,84
2. ...в моем окружении ожидается уважительное отношение и понимание к людям и группам с различным мировоззрением и культурным происхождением.	0,85
3. ...большинство моих знакомых придерживается мнения, что поддержка и помощь всем тем, кто в них нуждается, являются ценными качествами.	0,71
4. ...мои друзья и семья считают учет мнений и переживаний людей вокруг необходимым для взаимного понимания и сотрудничества.	0,74
5. ...в моем социальном кругу дискриминация на основе расовой, этнической или культурной принадлежности считается неприемлемой.	0,76
6. ...в моем социальном окружении ожидается, что каждый человек должен противостоять проявлениям предрассудков и дискриминации в отношении отличающихся людей и групп.	0,73
7. ...люди в моем окружении считают важным ценить многообразие вокруг и учиться друг у друга.	0,83
8. ...большинство моих знакомых полагает, что открытость и толерантность способствуют созданию атмосферы взаимопонимания.	0,80
9. ...люди из моего окружения считают важным равноправное отношение к людям независимо от их социального статуса или происхождения.	0,78

Вера в автохтонность

Пожалуйста, укажите степень Вашего согласия с приведенными ниже утверждениями, используя 7-балльную шкалу от 1 — *абсолютно НЕ согласен* до 7 — *абсолютно согласен*, где:

- 1 — абсолютно НЕ согласен;
- 2 — НЕ согласен;
- 3 — скорее НЕ согласен;
- 4 — НЕ знаю, НЕ уверен;
- 5 — скорее согласен;
- 6 — согласен;
- 7 — абсолютно согласен;

Пункты	Факторные нагрузки
1. Основные права на управление определенной территорией должны принадлежать ее первоначальным жителям.	0,77
2. Люди, рожденные и выросшие на определенной территории, имеют преимущественное право на доступ к ее ресурсам.	0,67
3. При формировании будущего определенной территории необходимо учитывать историю и традиции ее первоначальных жителей.	0,70
4. Уважение к правам и привилегиям людей, проживающих на определенной территории на протяжении поколений, должно быть на первом месте.	0,76
5. Культура определенной территории должна основываться на ценностях и убеждениях ее первоначальных жителей.	0,80

Относительная депривация

Пожалуйста, укажите степень Вашего согласия с приведенными ниже утверждениями, используя 7-балльную шкалу от 1 — *абсолютно НЕ согласен* до 7 — *абсолютно согласен*, где:

- 1 — абсолютно НЕ согласен;
- 2 — НЕ согласен;
- 3 — скорее НЕ согласен;
- 4 — НЕ знаю, НЕ уверен;
- 5 — скорее согласен;
- 6 — согласен;
- 7 — абсолютно согласен.

Пункты	Факторные нагрузки
1. Я вижу зарождающуюся тенденцию в нашем обществе, когда мигранты начинают получать больше возможностей, чем коренное население.	0,88
2. Похоже, что с течением времени наши власти все чаще отдают предпочтение иммигрантам по сравнению с коренным населением.	0,85
3. Я наблюдаю, что мигранты все чаще рассматриваются как более привлекательные романтические партнеры по сравнению с коренным населением.	0,53
4. В нашем обществе мигранты, по-видимому, все больше завоевывают власть и влияние по сравнению с коренным населением.	0,84
5. В последнее время складывается впечатление, что средства массовой информации все чаще изображают мигрантов в более выгодном свете, чем коренное население.	0,80
6. Создается впечатление, что со временем социальные поддержка и услуги все больше направляются на мигрантов, чем на коренное население.	0,86
7. Я чувствую, что со временем мигранты сталкиваются с меньшим количеством препятствий на пути к успеху и социальной мобильности по сравнению с коренным населением.	0,79
8. На рабочем месте складывается впечатление, что мигранты могут получать больше и иметь больше возможностей для карьерного роста, чем коренное население.	0,83

9. Я заметил, что мигранты начинают получать больше признания и уважения с меньшими усилиями по сравнению с коренным населением.	0,84
10. Я чувствую растущее чувство несправедливости, когда вижу потенциальные преимущества мигрантов перед коренным населением с точки зрения социального статуса и богатства.	0,80

История статьи:

Поступила в редакцию 25 апреля 2024 г.

Принята к печати 6 мая 2024 г.

Для цитирования:

Григорьев Д.С., Галлямова А.А., Комягинская Е.Ш. Навигация по гражданской инклюзии: ключевые antecedенты социальных маркеров принятия иммигрантов в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 490–510. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-490-510>

Конфликт интересов:

Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов.

Вклад авторов:

Д.С. Григорьев — концепция и дизайн исследования, сбор и обработка данных, статистический анализ, написание начального текста; *А.А. Галлямова* — администрирование проекта, написание начального текста; *Е.Ш. Комягинская* — проверка результатов, написание и редактирование текста.

Сведения об авторах:

Григорьев Дмитрий Сергеевич, PhD, научный сотрудник Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0003-4511-7942, ResearcherID: K-3338-2015, ScopusID: 57191706675, SPIN-код: 1807-9739. E-mail: dgrigoryev@hse.ru

Галлямова Альбина Аликовна, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0002-8775-7289, ResearcherID: GLV-6876-2022, ScopusID: 58182813400, SPIN-код: 6639-2529. E-mail: aagallyamova@hse.ru

Комягинская Елизавета Шамилевна, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0002-8841-1722, ResearcherID: HII-5216-2022, SPIN-код: 4854-0374. E-mail: ekomyaginskaya@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-490-510

EDN: KNCNOQ

UDC 316.647.5

Research article

Navigating National Acceptance: Key Antecedents of Social Markers of Acceptance of Immigrants in Russia

Dmitry Grigoryev^{}, Albina Gallyamova^{}, Elizaveta Komyaginskaya^{}

HSE University,
Moscow, Russian Federation
 dgrigoryev@hse.ru

Abstract. The article explores the links between four principal antecedents – deprovincialization, perceived diversity norms, autochthony belief, and relative deprivation – and social markers of acceptance of immigrants in Russia. In an epoch increasingly influenced by immigration, it is imperative to meticulously examine how these antecedents are correlated with social markers of acceptance, which hold significant implications for immigrants’ adaptation. This study aims to ascertain the extent to which these variables are correlated with social markers of immigrant acceptance within the Russian context. Survey data from 1,009 participants, predominantly self-identifying as ethnic Russians, were analyzed. The questionnaire was developed using new and original measures. The findings demonstrate that deprovincialization and perceived diversity norms within an individual’s immediate surroundings showed effects on the social acceptance of immigrants, both directly and indirectly. Furthermore, autochthony belief and relative deprivation were identified as having mediating effects in these dynamics, highlighting their significance across all social markers of acceptance. These insights deepen our understanding of the complex process of immigrant social acceptance, accentuating the importance of individual differences and social influences. The study further reveals that immigrant social acceptance extends beyond mere openness and positive attitude towards cultural diversity, involving an inclusion of ethnocultural groups into the larger society that addresses group hierarchy and inequality in a manner deemed acceptable by the host society. By exploring these associations in detail, the research offers valuable information that could inform initiatives aimed at enhancing social inclusion and promoting intercultural and interethnic relations and harmony in Russia.

Key words: acculturation expectations, social markers of acceptance, deprovincialization, autochthony belief, perceived diversity norms, relative deprivation, intercultural relations, interethnic relations and conflicts.

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

Article history:

Received 25 April 2024

Revised 4 May 2024

Accepted 6 May 2024

For citation:

Grigoryev, D., Gallyamova, A., & Komyaginskaya, E. (2024). Navigating National Acceptance: Key Antecedents of Social Markers of Acceptance of Immigrants in Russia. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 490–510. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-490-510>

Authors' contributions. *Dmitry Grigoryev* — concept and design of the study, data collection and processing, statistical analysis, writing the original draft; *Albina Gallyamova* — project administration, writing the original draft; *Elizaveta Komyaginskaya* — checking results, writing and editing the text.

Bio notes:

Dmitry Grigoryev, PhD, Research Fellow, Center for Sociocultural Research, HSE University (20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4511-7942, ResearcherID: K-3338-2015, ScopusID: 57191706675, SPIN-code: 1807-9739. E-mail: dgrigoryev@hse.ru

Albina Gallyamova, Research Intern, Center for Sociocultural Research, HSE University (20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8775-7289, ResearcherID: GLV-6876-2022, ScopusID: 58182813400, SPIN-code: 6639-2529. E-mail: aagallyamova@hse.ru

Elizaveta Komyaginskaya, Research Intern, Center for Sociocultural Research, HSE University (20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8841-1722, ResearcherID: HII-5216-2022, SPIN-code: 4854-0374. E-mail: ekomyaginskaya@hse.ru